

«ВОВСЕ НЕ ПЕДАГОГ, А ЧИНОВНИК»

Александр Княжицкий

Эти слова я позаимствовал для заголовка статьи из рассказа Чехова «Учитель словесности». Главный герой Никитин, вполне довольный жизнью преуспевающий учитель, совершенно неожиданно вдруг разочаровывается в такой удавшейся, удобной, безмятежной, желанной жизни. Открывается пошлость его беспечального существования, глупость жены, непригодность для высокого поприща его самого и его коллег, гимназических преподавателей: «Но тотчас же он с уверенностью говорил себе, что он вовсе не педагог, а чиновник, такой же бездарный и безличный, как чех, преподаватель греческого языка; никогда у него не было призвания к учительской деятельности, с педагогикой он знаком не был и ею никогда не интересовался, обращаться с детьми не умеет; значение того, что он преподавал, неизвестно, и, быть может, он учил тому, что не нужно».

Если вам, любезный читатель, не приходили по ночам подобные мысли, значит, вы по-настоящему счастливый человек, счастливый учитель. Или просто, может быть, успели смириться с тем, что вы чиновник, а не педагог...

Я не буду подробно останавливаться на поразившем меня любопытном факте - среди множества врачей и учителей, населяющих рассказы и пьесы Чехова, нет, пожалуй, ни одного благородного учителя. Вот грехи алчного доктора Старцева искупает интеллигент Дымов, а найти благородного, да нет просто хорошего учителя мне как-то у него не удалось. Удивительно... Ведь была же Гимназия на Васильевском острове, воспетая Лихачевым, и подобные ей, во множестве разбросанные по всей России. Но русские писатели их как-то не очень замечали, больше им попадались мелкие бесы - все эти Передоновы, Беликовы, Никитины...

Может быть, Чехов был и несправедлив по отношению к гимназиям и к гимназическим учителям, но в удивительной зоркости писателю отказать нельзя: он уловил самую суть проблемы. Гимназический учитель по статусу - государственный чиновник, находящийся на службе, получающий за исполнение своих обязанностей казенное жалование. Совместима ли государственная служба с высоким служением, с творчеством, с жертвенностью, без чего мы не мыслим образ настоящего учителя? Или в сознании каждого учителя обязательно присутствует вопрос - кто он - чиновник или (или!) учитель. Вопрос, от ответа на который зависит наше отношение к повседневным рабочим мелочам, зависит пафос всей нашей деятельности.

Особенно очевидным этот конфликт становится в эпохи укрепления вертикали власти, когда увеличиваются потоки указаний и отчетов, заполняющих школу и мешающих деятельности школы на всех ее уровнях.

Как любой чиновник, учитель должен отличаться, прежде всего, исполнительностью. В зависимости от того, насколько он исполнительен, оценивается вся его работа. Очевидно, сегодня разрушена отечественная система образования и введена система управления и отчетности, воплощением и вершиной которой стал единый государственный экзамен.

Первое, после чего уже не требуются второе, третье и так далее, - то, что результат этого экзамена - откровенная и неприкрытая «липа». «Липа», вообще, обязательное условие любой вертикали власти потому, что обнаруживает ее виртуальность. Я говорю здесь не о случаях массовых и единичных подлогов, жульничества, списывания. Речь о том, что, во всяком случае в наших предметах, результаты ЕГЭ диаметрально противоположны надежным, традиционным проверкам знаний: выпускники, получившие на ЕГЭ очень высокие баллы, писали коротенькие, простенькие школьные диктанты на абсолютный «неуд». Кому нужна вся эта громоздкая машина ЕГЭ, если так просто выясняется, что с грамотностью у нас в стране плохо, очень плохо. О каком уровне знания родного языка выпускником школы можно говорить, если самый главный и самый точный показатель этого знания не удовлетворяет никаким мыслимым и немыслимым представлениям.

Сделав успешную сдачу единого государственного экзамена не просто главной, но единственной целью старшеклассника, устроители этого экзамена превратили обучение последних лет в школе в дрессуру - мы выясняем, как выпускнику нужно реагировать на коротенькие экзаменационные материалы. Мы сегодня обучаем не тому, чему нужно обучить, а тому, что можно проверить на экзамене. На едином государственном экзамене.

И все-таки основная угроза этой системы заключается в том, что главное место в классе займет не учитель, а чиновник, исполнитель воли создателей контрольно-измерительных материалов.

Вот пишу о противостоянии чиновников и учителей в нашей школе, и на память приходит давний эпизод - моя первая лекция в институте усовершенствования учителей. Я попытался завести разговор с аудиторией, поговорить о разных подходах к решению интересующих нас проблем. Надо сказать, по неопытности достаточно долго безуспешно пытался преодолеть равнодушие аудитории, пока не был остановлен репликой: «Вы нам скажите, что и как должно прозвучать на уроке, а мы запишем и завтра донесем до детей». Урок этот, может быть, к счастью, а может быть, и нет, мне не пошел впрок. У меня собралась своя аудитория единомышленников, понимающих, что нельзя выписать рецепт истины, что до истины необходимо доходить собственным умом, собственным поиском, собственным трудом. Хотя я с почтением относился и отношусь к методистам, которые выписывали рецепты на все случаи жизни. И надо сказать, аудитория их никак не меньше, чем моя. Я не собираюсь кого-то бранить, а кого-то хвалить. Большинству просто не до высокого и даже до не самого высокого учительского творчества. До творчества ли под гнетом часов, семейных забот, стопок ученических тетрадей!?

И все-таки основная беда в так называемых массовых интеллигентских профессиях. Проблема заключается в том, что учителей в стране нужно во много раз больше, чем вообще может быть увлеченных, способных по-своему передать свои знания ученикам, преданных школе людей. К тому же далеко не у всех потенциальных учителей сложилось так, что они вовремя захотели получить и получили педагогические дипломы. Думаю, кстати, кадровые ресурсы по-настоящему «заработают», когда начнут действовать материальные факторы, когда заработают курсы переподготовки учителей. Впрочем, это я совсем о другом...

Мой главный вопрос - куда податься настоящим учителям в наше не учительское время - нельзя решить для всех и каждого, в масштабах всей страны. ЕГЭ не пускает. Но все же беспросветной эту ситуацию я бы не назвал. Во-первых, в конце концов, не может не обнаружить свою полную нежизнеспособность вертикаль власти страны, в которой падают самолеты, тонут теплоходы, сгорают развлекательные центры, среди бела дня разворачиваются миллиарды рублей людьми той самой власти, которая возводит эту самую вертикаль; страны, в которой высшая власть постоянно говорит как о национальной угрозе о коррупции и взяточничестве и ничего не делает для того, чтобы победить это зло. И это все при всеобщей апатии и безразличии. Такое бездействие никакой вертикалью власти не подопрешь. И чем сильнее видимость прочности и стройности вертикали власти, тем ниже управляемость страны, каждой ее части. В такой стране действительно невозможно строить дееспособную систему образования. Можно заниматься только фантастическими проектами, вроде «Школы будущего», не имея понятия о том, какое будущее нас ожидает. Этими проектами занимаются либо прожектеры - наследники Манилова, либо наследники Чичикова, жулики и коррупционеры всех рангов и мастей, а чаще - гибриды того и другого.

В больной стране не может быть здорового образования. Но все же...

Но все же вспомним бесславную историю тех, кто постоянно ужесточал, регламентировал, укреплял вертикаль власти. Какой мощной и величественной казалась империя Николая Первого, прежде всего, разумеется, благодаря самому Николаю Первому. Все закончилось Севастополем и реформами, которые затронули основы жизни снизу доверху.

Я не знаю, как произойдут коренные и глобальные перемены в России, но то, что назрела вторая серия фильма «Так жить нельзя», понимает каждый. Каждый понимает, что страна катится в пропасть. Пока она существует только благодаря высоким ценам на нефть

ее сомнительное благополучие становится все более и более сомнительным. Трудно себе представить, каким образом люди нынешней власти собираются решать назревшие и перезревшие задачи реформ.

Поэтому именно сегодня, я думаю, нельзя сидеть и ждать, нужно действовать. Тем более в школе. Школа не терпит пауз: урок нужно начинать сегодня перед собравшимся в классе детьми. И при всех пустых и преступных приказах Министерства и региональных департаментов есть то, что спасет наше образование, а значит, и будущее нашей страны. Речь идет о профессиональной чести учителя.

Ради интриги статьи я чуть обострил конфликт чиновника и учителя в сознании учителя. Государство смотрит на учителя как на чиновника. И по-другому смотреть не может. И не должно. Учитель же смотрит на себя только как на учителя. И вспоминает о том, что он государственный чиновник, когда получает от государства жалование. И, разумеется, когда государство напоминает ему своими распоряжениями, часто нелепыми, мешающими работать, такими, как громоздкий и совершенно бесполезный единый государственный экзамен.

При всех недостатках (мягко говоря!) ЕГЭ, мне кажется, остается возможность по-прежнему работать хорошему учителю. По-прежнему - это так, чтобы выпускники знали то, чему их учили, и могли применять усвоенные знания. Лучшим аргументом для меня, как это ни парадоксально, стали высокие результаты студентов, которые писали экзаменационную работу за выпускников. По большей части это были люди, не обучавшиеся по системе ЕГЭ, вообще не знавшие прежде, что это за невидаль - контрольно-измерительные материалы. Они, эти милые жулики, просто хорошо, с большим запасом знали материал, и им поэтому было совершенно безразлично, в какой форме сдавать экзамены.

В громких полемиках о ЕГЭ выяснилась одна любопытная побочная ситуация: были среди серьезных ученых - добровольцы, они сдавали ЕГЭ по предметам, в которых специализируются, смежным предметам и предметам для них чужим. Результаты были самыми разными. Были обнаружены просто ошибки в заданиях и формулировках. Но, главное, весьма низкие результаты по «чужим» предметам людей, которых можно назвать по определению культурными, - докторов наук, профессоров и так далее. Вот где поработать создателям новых стандартов, программ и учебников, вот где бы узнать, что из школьного знания остается на всю жизнь, что по-настоящему нужно для становления личности и что нужно только для того, чтобы успешно сдать экзамен. Но нет, этим никто не занимался. Просматриваешь задания ЕГЭ и на каждом шагу спотыкаешься - ну зачем это здесь присутствует, кому это только нужно.

Мысль чеховского Никитина о противостоянии чиновника и педагога, о том, что он, Никитин, выродился, да нет, всегда был чиновником, касается не только школы и образования. Сколько раз мы слышали и не слишком при этом вдумывались в слова конферанса - «Романс прозвучит в исполнении...» И выходит на эстраду исполнитель, исполняет названный романс. Может быть, не бог весть что какой мастер, но живой и в исполнение привносящий хоть чуть своего, самобытного, неповторимого. И мы пришли в концертный зал, а не уединились с записями Шаляпина или Неждановой, потому что нам хочется живого, такого, чего мы никогда не слышали.

Понятно, что и в нашей учительской профессии великие - редкость, чудо, удача тех, кому выдалось их слышать. А есть крепкие профессионалы. И здесь совсем неуместен сальериевский комплекс. У великих мастеров нужно учиться, а не завидовать им. И в образовании тоже. В образовании в первую очередь.

Думаю, что среди самых обидных потерь советского прошлого нужно назвать шестство мастеров над подмастерьями, опытных над новичками, создателей над исполнителями. Это-то и есть создание традиции. А без традиции не может быть передачи опыта от одного поколения другому.

Глубоко убежден в том, что главное для нас сегодня начать со своей школы, со своего класса, своего методического объединения, своего педагогического совета. Главное для нас в

том, чтобы одновременно с конструированием вертикали власти сверху мы начали бы строить вертикаль снизу, с самого низу.

Ведь пока еще это не запрещено.

Хотя бы в образовании.

ЦГТЦ имени А. П. Чехова